

В четверг, восемнадцатого апреля, Мишка обнаружил, что воспитательницу Маргариту Николаевну подменили.

Никто, кроме него, не заметил подмены: все молча и сосредоточенно переодевались, неаккуратно запихивая вещи в узкие деревянные шкафчики. Один Мишка застыл, держа в руке правый ботинок и глядя на Маргариту Николаевну. С ботинка падали бурые капли. Воспитательница была очень похожа на настоящую — особенно, когда начала медленно поворачиваться к Мишке, уже открывая рот, чтобы крикнуть: «Банников!» Он спохватился, поставил ботинок на пол и стал надевать тапочки. Разобраться с подменой надо будет позже, решил Мишка. Пока незачем привлекать к себе внимание.

Все утро он наблюдал за поддельной воспитательницей — не выдаст ли она себя еще чем-нибудь. Но та вела себя, как ни в чем не бывало: грозно смотрела по сторонам, изредка покрикивая на нарушителей порядка, а время от времени, утомившись, отворачивалась к забранному ржавой решеткой окну. Мишку это не успокаивало. Подмена была настолько очевидной, что он никак не мог понять, почему все остальные не обращают на нее внимания. Нужно было выяснить, действительно ли они ничего не замечают или просто решили смириться с неизбежным — Мишка уже не первый раз сталкивался с нездоровым фатализмом своих одноклассников. Для начала он решил обсудить факт подмены с Ленкой Кругловой. Друзьями они не были, но Мишка всегда уважал Круглову за независимость суждений и бесстрашие в драке. Однако никакого разговора не получилось. Ленка, ковыряя заштопанную на колене колготку, внимательно выслушала Мишкин рассказ, сказала: «Дурак», — и ушла на другой конец комнаты.

Это было странно. Если даже Круглова отказывалась признавать очевидное, обсуждать подмену еще с кем-то не имело смысла. Мишка взял в руки квадратно-

го пластмассового Карлсона, делая вид, что играет, и начал думать. Он вспомнил, что Алик Ковальчук однажды пересказывал кино, где в людей вселялись инопланетяне. Алик сидел в углу и пальцами гонял по полу скомканный фантик. С ним никто не дружил: у Ковальчука постоянно текло из носа, а как-то раз он на спорпил воду из унитаза. Неожиданному вниманию со стороны Мишки он страшно обрадовался и охотно повторил все, что помнил про инопланетян. Рассказывал он плохо и невнятно, но это было неважно. Мишка понял, что отличить инопланетянина от настоящего человека можно только по странному поведению: выглядят они совершенно одинаково. В случае с Маргаритой Николаевной все было наоборот. Впрочем, окончательно сбрасывать со счетов гипотезу с похитителями тел Мишка, на всякий случай, пока не стал.

Остаток дня прошел без происшествий. Когда вечером мама забирала Мишку из детского сада, он некоторое время раздумывал, не рассказать ли ей про подмену, но, в конце концов, решил не торопиться. Раз мама видела воспитательницу и тоже ничего не заподозрила, вряд ли она прислушается к Мишкиным догадкам.

На следующее утро он проснулся с тайной надеждой, что все вернется на свои места и в саду обнаружится настоящая Маргарита Николаевна. Но за воротами его ждала все та же искусная подделка, причем мама снова не заметила никакого подвоха. А после тихого часа произошла еще более странная вещь: когда Мишка сел рисовать, оказалось, что кто-то подменил его любимый лимонно-желтый карандаш. Ошибки здесь быть не могло — такой карандаш в саду был почему-то всего один. Поддельный был точно такого же лимонно-желтого цвета, но в остальном не имел ничего общего с настоящим. Мишке пришлось с некоторым сожалением признать, что инопланетяне, по всей видимости, здесь действительно ни при чем. В подмене карандаша он не видел никакого смысла.

До самого вечера Мишка пребывал в глубокой задумчивости. По дороге из сада мама даже несколько раз озабоченно спросила, не заболел ли он, и Мишка терпеливо позволил потрогать себе лоб под шапкой, а дома — померить температуру. На расспросы он твердо отвечал, что все в порядке. Выходные Мишка провел дома и за это время почти забыл про историю с подменой: нужно было дорисовать корабль пятнадцатилетнего капитана и сделать, наконец, блиндаж для солдат из давно припасенной картонной коробки. Но в понедельник все стало еще хуже.

Уже подходя к детскому саду, Мишка понял, что подмена воспитательницы и карандаша была только началом. На этот раз подменили забор вокруг сада и решетки на окнах первого этажа. Чуть позже во дворе обнаружилась поддельная горка. Мишка крутил головой по сторонам и теперь замечал признаки подмены почти во всех, кто толпился в раздевалке: подменили и толстую Олю Бондарь, и смешливого Рената Карапетяна, и близнецов Дадаевых, и глупого Валерку Знаменосцева. Мишка стиснул зубы, заставляя себя смотреть в пол, чтобы не видеть, как все вокруг прямо на глазах становится фальшивым. Если слушать только

голоса, можно было внушить себе, будто мир остался прежним. Но это помогало ненадолго: стоило на секунду отвлечься и поднять голову, как сразу становился очевиден весь масштаб катастрофы. Мишка чувствовал себя как космонавт на чужой планете. С одной только разницей — ему было некуда возвращаться.

Весь день прошел как в тумане. Мишка держался как мог, делая вид, что ничего не происходит, и почти ни разу не заплакал — только во время тихого часа, когда никто не видел. Силы были уже на исходе, и Мишка, в конце концов, решил, что расскажет обо всем маме — будь что будет. Он даже начал продумывать свою речь, подбирая убедительные слова, чтобы она все-таки поверила.

Но вечером у ворот детского сада мама ждала его не одна, а вместе с папой. От удивления Мишка на секунду забыл про свои переживания — папа еще ни разу не забирал его из сада. Даже когда мама болела, за Мишкой приезжала с другого конца города бабушка Нина. Втроем, взявшись за руки, они пошли вниз по улице. Сначала родители молчали, а потом папа вдруг остановился и сказал: «Мишка, мама хочет сказать тебе что-то важное», — и посмотрел на маму. Мишка тоже посмотрел на маму и еще до того, как она открыла рот, чтобы сказать то, что она сказала, понял, что вот сейчас действительно случилось что-то, после чего жизнь окончательно перестанет быть прежней, так что все его страхи потеряли всякий смысл и остается только зажмуриться и постараться ни о чем не думать, потому что теперь ничего и никогда уже нельзя будет исправить. Мишка понял, что маму тоже подменили. И когда она закончила говорить, он бросился бежать. Мишка бежал, не разбирая дороги, бежал так быстро, как никогда еще не бегал. Он знал, что больше не остановится, и теперь очень важно было не споткнуться и не упасть — Мишке казалось, что если он не споткнется, появится какой-то шанс на спасение. Он бежал, хватая ртом холодный воздух, и в ту секунду, когда Мишка поверил, что сможет бежать так всю жизнь, мир внезапно стал твердым и лопнул, разлетевшись на тысячу осколков.

Очнулся Мишка в больнице. На белом потолке мигала длинная тонкая лампа, а бородатый доктор, наклонившись к кровати, укоризненно говорил: «Что же вы, Михаил Александрович, родителей так пугаете? Это только в мультиках герои сквозь закрытые двери проходить умеют».

В этот момент Мишка вспомнил все — и новую прическу воспитательницы, и заточенный карандаш, и покрашенный забор, и синий бант в волосах Оли Бондарь, и то, как мама, волнуясь, говорит: «Мишка, у тебя скоро будет брат». Он увидел свои забинтованные руки, почувствовал, что голова под повязкой болит и немного чешется, и повторил про себя, как его только что назвал доктор: «Михаил Александрович». Мишка закрыл глаза. Он запретил себе плакать, но слезы почти сразу потекли на лицо из-под закрытых век. Мишка понял, что, пока он лежал здесь, его тоже подменили, и теперь придется научиться жить с этим. Мишка знал, что больше никогда не будет настоящим.

Алька и черепаха

Потом он столько раз проживал этот день во сне, что иногда начинал сомневаться, происходило все в действительности или было просто самым первым, а потому самым правдоподобным сновидением. В конце июля Альке — свое имя он потеряет значительно позже, когда во дворе института перед вступительными экзаменами, поколебавшись секунду, представится тусклым Сашей, которым после этого останется навсегда, — в конце июля ему должно было исполниться двенадцать, и своего дня рождения Алька дождался на даче, деля время между книгами и одинокими прогулками по лесу, начинавшемуся сразу за забором их участка. Тем утром он впервые узнал про апории Зенона и теперь играл в Ахиллеса, который никак не может догнать черепаху по имени Эрнесто Че Репаха, бодро бегущую по лесной тропинке, высоко поднимая гнутые передние лапы и вытянув птичью голову на длинной морщинистой шее дряхлой балерины, закованной в гипсовый корсет. Алька замирал на одной ноге, словно изображение бегуна с древнегреческой вазы, дождался, когда Эрнесто отбежит подальше, прыгал на то место, где несколько секунд назад была черепаха, и снова застывал в ожидании следующего прыжка.

Когда он, едва удержав равновесие после очередного шага и все еще заметно покачиваясь, поднял глаза на черепаху, оказалось, что Че уже никуда не бежит, а методично обкусывает своим кожистым клювом листья одуванчика, которые протягивает ему присевшая на корточки красивая черноволосая девушка. Откинув в сторону волосы, она посмотрела на Альку, улыбнулась и сказала: «Привет».

Алька никогда раньше не разговаривал с такими красивыми девушками, поэтому он ничего не сказал и только медленно поставил на землю вторую ногу. «Ты слышал когда-нибудь о таком философе — Зеноне?» — спросила девушка. Во сне редко чему-то удивляешься, но Алька хорошо помнил, что не был удивлен и наяву; он кивнул и, как ему тогда показалось, остроумно ответил, сглотнув, правда, на середине фразы: «И еще о таком неудачнике — Ахиллесе». Много лет потом он краснел, вспоминая эти слова, которые явно принадлежали какому-то лихому и несуществующему человеку, и вежливую улыбку девушки, хотя в хорошие дни и был склонен согласиться, что это неплохой ответ. «Люди на Земле, — сказала девушка, — хотят дотянуться до бога, как Ахиллес, который бежит за черепахой, сверкая беззащитными пятками. И каждый раз, когда они пытаются схватить его за бороду, их пальцы сгребают пустоту, потому что человек может прийти только в то место, откуда ушел бог. Бог жил на облаке, пока люди не научились летать по небу. Бог кружился на орбите, пока к нему не поехал Гагарин. Бог управлял приливами и менструациями, сидя на Луне, пока туда не спрыгнул Армстронг. Сейчас бог живет с нами на Марсе, но лет через тридцать на корабле, который ты изобретешь, прилетят люди с Земли, и тогда он навсегда уйдет от нас». «Откуда вы знаете?» — спросил Алька. «Мы умеем видеть будущее. Строго говоря — наиболее вероятное будущее, но это неважно». «Вы прилетели, чтобы убить меня?»

«Мы не умеем убивать — с нами живет бог. Я просто хотела посмотреть на человека, который заберет его у нас. Мне кажется, ты хороший человек. Почему-то это всегда делают хорошие люди». «Я могу чем-нибудь помочь?» «Ты можешь подарить мне черепаху. Я возьму ее с собой, и тогда Ахиллес, наконец, ее догонит. Назови свой корабль «Ахиллес» — это будет красиво. Подаришь?» Алька кивнул. «Как ее зовут?» «Эрнесто Че Репеха», — сказал Алька и покраснел. «Прекрасное имя. К тому же он пуглив и грациозен, как истинный де ла Серна».

Девушка покрутила между пальцами последний лист одуванчика, похожий на зеленое перо, и протянула его черепахе. Эрнесто отвернулся, и девушка, улынувшись, уронила лист на землю. Она взяла черепаху, легко поднялась и ушла в лес, на прощанье молча взъерошив волосы все еще красному Альке.

Когда лето кончилось, Алька уже твердо знал, что никогда не догонит свою черепаху и не заберет бога у марсианской девушки с черными волосами и прохладными пальцами. Вернувшись с каникул, он совсем забросил прежде любимую физику, а после школы выучился на экономиста. Саша, как его теперь звали, ненавидел свою работу и свою жизнь, но когда он думал о людях на Марсе, ему становилось легче. Еще ему становилось легче, когда он уходил к мужикам в гаражи, помогая чинить чужие машины, но это уже было опасно: моторы слишком напоминали о корабле, который он должен был изобрести, чтобы прогнать бога дальше в космос. В такие дни Саша начинал пить.

Иногда ему хотелось убить себя, но он видел, что вокруг живут такие же несчастные люди, занимающиеся скучными и неинтересными вещами, и понимал, что они вместе с ним стерегут покой марсианского бога. И если они находили в себе силы жить дальше, значит, сможет и он. Кто-то из них, наверное, должен был работать под его началом в конструкторском бюро, кто-то стал бы чиновником, отвечающим за марсианский проект, кто-то сам полетел бы на Марс. Но Саша чувствовал, что они тоже видели ту девушку на поляне и потому выбрали серую бессмысленную жизнь. Продавцы, официанты, журналисты, менеджеры, учителя, — он узнавал их повсюду, рыцарей прекрасной дамы с черепахой, и любил их. Саше часто хотелось поговорить с ними о той девушке, о той поляне, об Ахиллесе и черепахе, но он откуда-то знал, что этого ни в коем случае нельзя делать, что это один из тех секретов, которые склеивают мир, проступая из его самых укромных трещин и не давая ему рассыпаться на части.

Встречались, конечно, и люди, которые занимались любимым делом и были всем довольны. Саша понимал, что должен их ненавидеть, поскольку, где бы ни работали эти люди, они все равно приближали полет на Марс, но на самом деле мог их только жалеть, потому что они не знали настоящего смысла жизни и не имели никакого представления ни о красоте, ни о сострадании. Потому что никому из них не снились сны, где они бегут за черепахой по лесной тропинке, в конце которой черные волосы, прохладные пальцы и невыносимое счастье.

Пустота

Когда ушла Катя, внутри Ивана что-то отодвинули в сторону или вовсе унесли, отчего там открылась прежде незаметная щель и сразу установился сквозняк. Сначала Ивану нравилось ощущать пустоту и холод, от которых меньше хотелось спать, нравилось слушать, как громко хлопают в нем какие-то двери, но в конце концов он устал или, может быть, испугался, что узкий ветер рано или поздно выдует из него тот листик, который, словно язычок фольги, щекотно дрожит в глубине человека, из-за чего он верит, будто у него есть душа, и начинает курить.

Иван решил прекратить сквозняк и для этого сделал себе новую, бумажную, Катю. Бумажная Катя состояла из тысячи клочков бумаги: один был косым крестом морщинок на шее, под затылком, другой — ее обыкновением не брать тележек в супермаркетах и носить еще не купленную еду, прижав к груди, третий — глазом, четвертый — утренним запахом, пятый — ложбинкой между двумя косточками на запястье, которую пересекала зеленоватая вена.

Некоторые бумажки Иван делал сам, некоторые — узнавал, подбирая на улицах или отрывая от чужих книг. Он носил Катю в белом шуршащем пакете, длинные ручки которого были связаны между собой двумя узлами, и когда ходил, часто садился где-нибудь на скамейку, распахивая пакет, чтобы выудить оттуда полупрозрачную кайму зубов или ее специальный голос для неприятных людей.

Иван теперь много ходил, не всегда вспоминая, где его дом. Иногда Ивана забирали к себе женщины, и он жил с ними, заполняя собой пустоты, где должна быть любовь, а по ночам, когда они спали, примеривая на них бумажную Катю, которая никак не хотела с ними совпадать. У одной из них был спрятан за занавеской воспитанный женщиной внутри себя маленький человек, который однажды развязал пакет с Катей и рассыпал по полу. Иван испугался такой своей глубиной, куда не доставали слова, и потому кричал, как большая птица: «Ак! Ак!» — отчего страх передался еще помнившему этот язык ребенку, расплывшись на колготках. Иван на несколько часов заперся в комнате, снова и снова пересчитывая Катю, собрал ее в пакет и ушел, оставив женский дом, где пахло едой и жидкостями.

Обидев человека криком, Иван начал понимать, что ухудшается с каждым днем и в конце концов потеряет того себя, который был с Катей. Поэтому он сделал старого себя: в нем было меньше бумаги, чем в Кате, зато имелись в избытке какие-то надорванные резинки, шайбы, проволоочки и даже одна облезлая елочная лапа с нитками от игрушек. Себя он сложил в черный мусорный пакет без ручек и тоже завязал его горловину на два больших узла.

Иван стал избегать городов, в которых было много звука и жалости, потому что города придумали женщины, и теперь часто ходил в лесу, где звук был красивый и осторожный, словно внутренний звук тела, а жалости не было вовсе.

Однажды он встретил в лесу мужчину и женщину, которые рассказали, что бог решил сделать из них новое человечество, а старое завтра уничтожить, поэтому они идут на поляну, где ждет присланная за ними ракета. Иван убил их, чтобы богу было меньше работы, и пошел на поляну, посреди которой остывал корабль, похожий на длинное железное платье. Он положил внутрь оба пакета, захлопнул дверь и отошел в сторону, под деревья, а когда ракета улетела к богу, отправился в город, потому что до завтра оставалось немного времени, и можно было потерпеть и этот город, и этот звук, и даже эту жалость.